

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание учёной степени
кандидата филологических наук Брайловской Анастасии Андреевны
на тему: «Падежный синкретизм в греческом языке микенского периода
и в языке Гомера»
по специальности 5.9.7. Классическая, византийская
и новогреческая филология**

Диссертационное исследование А.А. Брайловской посвящено падежам древнегреческого языка, находящимся на периферии грамматики: дативному атематическому -ει (в сопоставлении со стандартным -ι) и падежу на -φι с его весьма обширным комплексом значений. Оба этих падежа достаточно широко представлены в языке крито-микенского периода; первый изредка встречается в диалектах (атт. Διειτρέφης, кипр. *tiveipiro*, *tiveitemi* = Διφεΐφίλος, Διφειθεμς). В гомеровском диалекте дифтонг был заменён на долгое -ι: кипрскому Διφεΐφίλος соответствует δίφιλος ‘угодный Зевсу’. Морфема же -φι образует в крито-микенском и гомеровском греческом отымённые наречия.

Эти морфемы имеют разнообразные значения: первая служит для выражения дательного падежа ед.ч., наречия со второй эквивалентны дательному, родительному, местному, творительному, отложительному падежам как в единственном, так и во множественном числе. Функционирование этих именных форм помогает понять, как в греческом языке развивался падежный синкретизм, во многом определяющий его грамматический строй до нынешнего времени. Кроме того, эти падежные окончания распространены в крито-микенском диалекте и у Гомера представляют яркие примеры крито-микенского влияния на гомеровский диалект. Диссертант подчёркивает, что наречия на -φι были характерны именно для Гомера. У Гесиода они встречаются 8 раз, 1 раз во фрагменте у Алкмана. Производные обнаружены в надписи из Танагры и во фрагменте из Ивика. К этому можно прибавить, что формы на -φι не встречаются у такого подражателя Гомеру, как Квинт Смирнский, чья поэма “*Posthomerica*” начинается с утра после похорон Гектора и во многом состоит из гомеровских формул. Иными словами, указанные наречия действительно характеризуют именно язык Гомера и утрачены позднейшими поэтами, писавшими на эпическом наддиа-

лекте. Более того, как подчёркнуто в Заключении, формы на -φι встречаются в «Илиаде» чаще, чем в «Одиссее», что свидетельствует о постепенном выходе этих форм из обращения. Это хорошо соотносится с мнением о том, что «Илиаду» Гомер сложил в молодости, «Одиссею» в более зрелом возрасте.

Всё это определяет *актуальность* работы А.А. Брайловской. *Теоретическая* значимость работы заключается в том, что в ней поставлены вопросы, имеющие перво-степенное значение для понимания истории как древнегреческой морфологии, так и поэтического языка. В частности, *Новизна* заключается в том, что диссертант собрала все формы на -ει и -φι в крито-микенских табличках, в т.ч. и в новонайденных в Фивах (в транслитерации крито-микенской графики -e, -pi; 114 имён на -e/-i и 29 на -pi), все гомеровские дативы с долгим -ι и наречия на -φι (48 и 51 соответственно). Всего учтено 191 контекст с формами на -φι у Гомера. Такой обстоятельной сводки не было у предшественников А.А. Брайловской, в том числе у таких выдающихся учёных, как И.М. Тронский и М. Лежён.

Все рассмотренные падежные формы являются действительно ключевыми как для истории древнегреческого языка, так и падежной грамматики индоевропейских языков. С ними связано развитие падежного синкретизма и становление парадигм множественного числа. А.А. Брайловская справедливо замечает, что синкретизм локатива и датива был завершён уже в крито-микенскую эпоху. Следовало бы отметить, что в последующие этапы развития древнегреческого падежный синкретизм приобрёл новое качество: распределение флексий по значению заменяется на распределение флексий по парадигмам. Исконно дативное окончание *-ōi стало морфемой дательного падежа в тематическом спряжении, исконно локативное *-i — в атематическом спряжении.

Отмечая тщательный анализ материала, оппонент должен отметить, что ряд проблем остался в диссертации неосвещённым. В греческом языке имеет место процесс замещения дифтонгов долгими ι, υ. Именно этим, очевидно, следует объяснить развитие -ī вместо -ει у Гомера. Другой пример — глаголы на -υ-, где долгота в «иль-

ных» формах замещает дифтонг ευ: ὄρνυμι = др.-инд. *ṛnóti*¹, Другой пример — развитие корня **deru-*: δόρυ (= др.-инд. *dāru* ‘древесина; ствол’) → δρῦς, δρυός (= др.-инд. *drú* ‘дерево’, род.п. *drúṇaḥ* и *dróḥ*)². Откуда взялась долгота в греческом? Она может быть мотивирована только тем, что υ в данном случае заместило дифтонг. Это не монофтонгизация, а именно замещение. Его условия не вполне ясны, но оно имеет место, и диссертанту было бы полезно это отметить.

Другим важным сюжетом является происхождение форманта -φι. На его примере можно наглядно наблюдать процессы как грамматикализации, так и лексикализации. Диссертант с полным основанием указывает на его общее происхождение с показателями косвенных падежей мн.ч. в индоиранских и итало-кельтских языках (др.-инд. инструменталь *pitṛbhiḥ*, датив *pitṛbhyaḥ*, авест. *raočəbiš* ‘лучами’, *raočəbyō* ‘лучам’, лат. *patribus*, галл. *atrebo*, др.-ирл. *atrib* ‘отцам’). Но полезно было бы сказать несколько слов и о её происхождении. В древнегреческом существовало лично-возвратное местоимение φίν. Согласно Гезихию, встретилось в II. XI:75, Callimach, fr. CLXXXVIII, Sophr, fr. 83. Правда, у Гомера большинство рукописей даёт чтение σφιν (энклитика):

οἱ δ' ἄλλοι οὐ σφιν πάρεσαν θεοί, ἀλλὰ ἔκκηλοι
σφοῖσιν ἐνὶ μεγάροισι καθήατο, ἦχι ἐκάστῳ
δῶματα καλὰ τέτυκτο κατὰ πύχας Οὐλύμποιο.

‘Другие же боги не были с ним, но спокойно находились в своих хоромах, где для каждого были созданы красивые дворцы в лощинах Олимпа’

Наличие формы φιν здесь не противоречит метру. По старому текстологическому правилу — отдавать предпочтение более редкой форме — можно принять именно её.

2. Присоединившись к основе указательного или возвратного местоимения, оно превратилось по сути в морфему: σφεῖς ‘они’ (упомянутое σφιν рассматривается как дат.п. ед.ч.), притяжательное σφός, σφέτερος ‘свой’. Этот комплекс морфем может лексикализироваться: др.-инд. *sabhā* ‘собрание, род’, нем. *Sippe* ‘род, племя’.

¹ Kuiper F.B.J. Die indogermanischen Nasalprärentia. Amsterdam, 1937. S. 244

² Schmitt-Brandt R. Die Entwicklung des indogermanischen Vokalsystems, Heidelberg, 1967. S. 60-61; Nagy G. Greek Dialects as the transformation of an Indo-European process. Cambridge MA, 1970. P. 70 ff.

3. Этот же формант внедрился в парадигму личных местоимений: др.-инд. *tubhyam*, лат. *tibi*, ст.-слав. *тебѣ*; мн.ч.: др.-инд. *asmábhyam*, *asmábhiḥ*, *yuṣmábhyam*, *yuṣmábhiḥ*, лат. *nobis*, *vobis*.

4. Та же частица соединяется с именными основами, образуя наречия со значением, близким к косвенным падежам. Формант присоединяется непосредственно к основе. Затем новые формы становятся специальным выражением косвенных падежей (дativa, инструментaля, реже локативa) мн.ч.

5. К основе **bhi-* присоединяется притяжательный суффикс **-l-*, в результате чего образуется притяжательное местоимение 3 л.: лидийское *bilis* 'свой'. Греческое *φίλος* значительно лексикализовалось, но след старого значения виден в оборотах *φίλον κῆρ / ἦτορ*.

Из проведённого обзора следует, что употребление форм на *-φι* у Гомера более архаично, чем в крито-микенских табличках. Очевидно, гомеровский эпос преемствен по отношению не к языку хозяйственных записей, а к гипотетическому поэтическому языку.

Изложенные замечания не столько критикуют диссертацию, сколько намечают перспективы дальнейших исследований на её базе. В целом же работу А.А. Брайловской можно оценить достаточно высоко. За последние полтора десятилетия отечественная микенология, родившаяся в трудах блистательных филологов С.Я. Лурье, И.М. Тронского, Н.С. Гринбаума, понесла большие утраты. В 2010 г. скончался Аркадий Анатольевич Молчанов (р. 1946), в 2011 — Натан Соломонович Гринбаум (р. 1916), в 2015 г. — Владимир Петрович Нерознак (р. 1939), в 2018 г. — Сергей Яковлевич Шарыпкин (р. 1940)³. Для А.А. Молчанова и В.П. Нерознака изучение табличек линейного письма В было одной из областей их научных интересов, но материалом они владели вполне профессионально. С.Я. Шарыпкин был микенологом *par excellence*. Н.С. Гринбаум находил в языке хоровой лирики влияние поэтического языка крито-микенской эпохи. На смену ушедшим приходят новые исследователи. А.А. Брайловская проявила себя прекрасно подготовленным и компетентным

---

³ С.Я. Шарыпкин большую часть жизни преподавал во Львове, в начале 2000-х гг. переехал в Лодзь. Но докторскую диссертацию защитил в Москве, большая часть его публикаций написана по-русски. Поэтому его можно назвать одновременно российским и украинским учёным.

исследователем греческого языка крито-микенского периода, достойно продолжающим славные традиции отечественной микенологии.

Автореферат и публикации адекватно отражают содержание диссертации. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (по филологическим наукам), а также критериям, определённым пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении учёных степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Анастасия Андреевна Брайловская заслуживает присуждения ей искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

ведущий научный сотрудник

отдела теоретического языкознания

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»

КРАСУХИН Константин Геннадьевич

9 июня 2026 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

10.02.20. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Адрес места работы:

125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1,

Институт языкознания Российской академии наук,

отдел теоретического языкознания

Тел.: +7 (495) 690-35-85; e-mail: krasukhin@iling-ran.ru